

30 МАР 1949

Горький и проблемы русской литературы

Гениальный художник слова, пламенный публицист, мудрый критик, руководитель советской литературы, А. М. Горький был подлинным борцом за парадное счастье, за торжество коммунизма.

В мощных художественных образах Горький показал жизнь и мечты нашего народа, его борьбу, запечатлел всю красоту и силу русского национального характера. Одним из первых деятелей культуры всего мира Горький выступил, как антифашист. Всей силой своего великого сердца он ненавидел империализм. Каждая страница его творений зовет на борьбу с реакционными силами, за освобождение трудящихся.

Этим же стремлением проникнуты и литературно-критические работы писателя.

В статьях, написанных после 1905 года, Горький горячо выступал против упадочничества, мистицизма, против реакционной теории «чистого искусства». Этим пагубным для художественной литературы течением Горький противопоставил взгляд на искусство, как на могучее действенное оружие в руках народа, ведущего борьбу с царизмом и капитализмом. Народ, по его определению, единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных. В курсе лекций по русской литературе Горький стремился показать развитие русской художественной литературы, как отражение революционного движения народа.

Процесс развития художественной литературы Горький оценивает с точки зрения общественно-исторических закономерностей.

Горький показывает обеднение личности, разрушение ее духовных основ в условиях капиталистического строя. Причина этого — утрата чувства органической связи с народом. Это обстоятельство обусловило падение и русской буржуазной литературы в годы реакции после 1905 года. Горький говорит о пагубном влиянии буржуазной западноевропейской литературы на русское общество того времени: «Литература наша — полая, выпаянная великими умами, еще недавно плодородная, еще недавно покрытая разнообразными и яркими цветами, — ныне зарастает бурьяном беззаботного невежества, забрасывается клочками цветных бумажек — это обложки французских, английских и немецких книг, это обрывки идей западного мечтательства, маленьких идей, чуждых нам».

Горький противопоставляет западной буржуазной литературе великую русскую литературу XIX века, как «самую гуманную и задумчивую литературу мира». Он подчеркивает громадное воспитательное значение русской литературы. Вспоминая о факторах, воздвигавших на него в равной степени, Горький писал о книгах русских писателей: «...я почувствовал, что такое хорошая книга, и понял ее необходимость для меня. От этих книг в душе спойкой сложилась стойкая уверенность: я не один на земле и — не продам!».

Высоко оценивал Алексей Максимович демократизм русской литературы, ее страстные поиски решения социальных вопросов, глубокий интерес к жизни народа. Горькие проникновенные слова народа писатель для родного искусства. «В истории развития литературы европейской, — писал Горький в 1908 г., — наша юная литература представляет собой феномен изумительный; я не превеликую правду, сказав, что ни одна из литературы Западу не возникала с жизни с такой силой и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Ни в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот, при таких неопустимых тяжелых условиях. Это несомненно устанавливается путем сравнения истории западных литератур с историей нашей; нигде на протяжении вековных столетий не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России, и нигде не было такого обилия писателей-мучеников, как у нас».

Идеальная высота и художественное совершенство нашей литературы, выросшей в сказочно короткие сроки, — свидетельство исключительной одаренности русского народа. Наш народ создал обширную и прекрасную литературу, — писал Горький, — яркое и неоспоримое свидетельство в пользу его талантов, законную его гордость...

Продолжая мысли Чернышевского и других передовых деятелей России о том, что русская литература стала редчайшим исключением из правил, Горький пишет: «И здесь же мы находим объяснение тому факту, что русский литератор... в своих образах и обобщениях шире и объективнее литератора западного...».

В своих высказываниях Горький выдвигает на первый план истинность, глубокую прогрессивность передовых русских писателей, их роль в развитии русской общественной мысли. «Я предпочел бы, — пишет в 1930 году Горький, — чтоб «культурный мир» объединился не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — талант психически здоровый и оздоравливающий». В пушкинском творчестве он видит воплощение «духа народа», воспринимается «прозой действительности».

Особенно близки Горькому писатели революционно-демократического направления.

Горький ставит Белинского во главе всей мысли Русь, говорит, что он «сразу занял в литературе командующий пост, невольно заставлял подниматься силу его мысли и обилию своей личности. Этот первый критик и первейший знаток литературы того времени, своим взглядом на нее, как на дело огромной, национальной важности, удивил, ошеломил писателей 40-х годов...».

Горького Горький считал «самой яркой фигурой 40-х и 50-х годов». Герцен «воплощает в себе эту эпоху», писал Алексей Максимович, — поразительно полно, цельно, со всеми ее недостатками и со всем неизбежно хорошим». И дальше: «Его ум — ум исключительный по силе, как его язык исключителен по красоте и блеску».

А. ЕГОЛИН

Материалистическая эстетика Чернышевского и Добролюбова оказала благотворное влияние на воззрения Горького. Он с огромным уважением говорил о той неуклонной прямоте мысли, тех стойких чувствах, «которыми отличались гордые сознанием своей силы Добролюбов и Чернышевские, сознательно обрекавшие себя на смерть и на катушку ради торжества своих идей, люди, обладавшие изумительной трудоспособностью и жарким стремлением к знанию».

У Щедрина пролетарский писатель отмечает глубину мысли, широту знания русского общества. По его словам, Щедри «умнейший человек, 70—80 гг.». Он утверждал, что невозможно понять историю России второй половины XIX века без помощи произведений Щедрина, так как «История русской интеллигенции с 50-х до 80-х годов наиболее ярко изображена Щедриным».

С исключительной проникновенностью охарактеризовал Горький роль Чехова в развитии русской литературы. Он считает, что Чехов — последний великий представитель критического реализма, как бы завершающий в своем творчестве это глубоко плодотворное направление, получившее в XIX веке свое высшее развитие.

«Дальше вас — никто не может идти по сей стезе», — писал Горький Чехову в январе 1900 года, — никто не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете. После самого незначительного вашего рассказа — все кажется грубым, написанном не пером, а точно поленом. И — главное, — все кажется не простым, т. е. не правдивым».

В том же письме Горький выдвигает новое требование: «Право же — настало время нужды в героическом...».

В этих словах пролетарского писателя была провозглашена необходимость нового направления, которое получило свое воплощение в творчестве самого Горького — родоначальника литературы социалистического реализма.

Горьковский творчество — новый исторический этап в дальнейшем развитии русской литературы и литературы всего мира, это новая эпоха в художественном развитии всего человечества.

«По силе своего влияния на русскую литературу, — сказал В. М. Молотов, — Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время. Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственное и сильное, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Поэтому именно Горький и является подлинным родоначальником пролетарской, социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира».

Писатели прошлого только мечтали о счастье народа, но не ведали истинных путей к его осуществлению.

Величайшая сила большевистского мировоззрения вооружила Горького пониманием верного пути к достижению прекрасного будущего.

Он создал образ нового героя — революционера, борца, подлинного представителя народа. Реалистический образ передового революционного рабочего в творчестве Горького занял центральное место. Героям литературы критического реализма он противопоставил борцов за общенародное дело — Нила и Памя Власова.

Горький в течение ряда лет разрабатывал теорию искусства. Он явился первым писателем, раскрывшим на конкретном материале художественной литературы принципы социалистического реализма. Неоднократно в своих статьях и выступлениях он подчеркивал, что творческий опыт художников-реалистов прошлого не может быть механически перенесен в советскую литературу, что перед советским

искусством стоят иные задачи, нежели перед литературой прошлого.

Социалистическая литература, говорил Горький, должна способствовать рождению нового человека и уничтожению того, что вредит делу революции, мешает политическому и интеллектуальному росту советских людей. Социалистическая литература призвана не только обличать, но и изображать героическое, ставшее повседневным в нашей жизни, показывать красоту творческого труда, перспективы социалистического строительства.

Деятельность нашего народа, революционные преобразования в Стране Советов создали те факты социалистического опыта, без которых, по мнению Горь-

кого, невозможна литература социалистического реализма. Он призывал советских писателей к всестороннему изучению действительности, к участию в борьбе за освобождение всего трудового народа.

Отмечая тесную, органическую связь советской литературы с жизнью, Горький подчеркивал, что литература «вместе со всей массой творческих сил Союза Советов, живет в состоянии войны со старым миром и в напряженном строительстве мира нового».

Основные принципы социалистического реализма, провозглашенные и воплощенные в глубоко патристическом творчестве Горького, стали руководящими в нашей литературе. Советские писатели, продолжая и развивая славные горьковские традиции, создают произведения, прославляющие нашу великую Родину, Родину коммунизма.

Сейчас в Америке, в городе Скоттсборо, разыгрывается драма, напоминающая дело двух итальянцев, которые, будучи приговорены к смертной казни, семь лет сидели в тюрьме, ожидая, когда их сожгут на электрическом кресле... В Скоттсборо приговорены к смерти восемь индейцев-негров, они тоже ни в чем виновны, они схвачены полицией случайно, не знакомы друг с другом, но все-таки их осудили на смерть. Это сделано для того, чтобы запу-

...Война сытых и богатых с голодными и нищими сводится к тому, что рабочий класс, который стремится к организации всемирного и решительного боя, обесценивают, выхватывая из его среды, заключая в тюрьмы или убывая наиболее активных людей, вместе с этим пытаются загнать массу рабочих, осуждая на смерть и ни в чем виновных людей, как это было в деле убийства Сакко и Ванцетти.

Александр БЕК

Гневное обличение

В конце двадцатых годов (точная дата документа не установлена) Алексей Максимович Горький дал следующий ответ на анкету американского журнала:

«Вы спрашиваете: «Ненавидит ли ваша страна Америку и что вы думаете о цивилизации Америки?»

Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме заключено нечто по-американски уродливо преувеличенное, раздутое.

Полагаю, что даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары — на Филиппинских островах, в республиках Южной Америки, в Китае и даже среди десяти миллионов цветных людей территории С.Ш.С.А., не найдется ни одного разумного человека, который присвоил бы себе права сказать вам от имени своего народа: «Да, — моя страна, мой народ ненавидит Америку, весь ее народ, рабочих так же, как и миллионеров, цветных так же, как белых; ненавидит женщин и детей, поля, реки, леса, зверей и птиц, прошлое и настоящее вашей страны, ее науку и ученых, ее великодушную технику... всех талантливых художников... и все, что есть С.Ш.С.А., и всех, кто живет в этих штатах».

Палеюсь вы не ожидаете, что найдется идиот, способный ответить на ваш вопрос так безумно, с такой ненавистью к людям и культуре.

Но, разумеется, то, что вы называете цивилизацией С.Ш.С.А., не возмущает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваши цивилизация, это — самая уродливая цивилизация нашей планеты... Книга Горького «В Америке» блестяще разоблачает капиталистическую цивилизацию, так называемый «американский образ жизни».

В книге «Мои интервью» Горький передает свою воображаемую беседу с одним из миллионеров, «королей республик»:

— «...Что же вы делаете с вашими деньгами?»

Он отвечает: — «Я делаю ими еще деньги...»

— Зачем?

М. Горький. В Америке. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1949.

УОЛЛ-СТРИТ ПЕРЕД СУДОМ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

В 1906 г. по партийному поручению А. М. Горький выехал в Америку. Ленин придавал этой поездке Горького большое значение. После тяжелых ран, нанесенных самодержавно-революционными боями 1905 г., русский царизм искал материальной и моральной поддержки у европейской и американской реакции. На Горького была возложена огромная историческая важности задача — сорвать сговор российской и международной реакции, рассказать европейским и американским трудящимся правду о первой русской революции.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что приезд великого пролетарского писателя в Нью-Йорк вызвал необычайный энтузиазм трудящихся Америки. Но это же событие вызвало переполох в кругах царской дипломатии, в сферах Белого Дома и его козлов в Уолл-стрит.

Хозяева Америки сначала надеялись, что капиталистическая пропаганда пресловутой американской «свободы» и «демократии» сможет ввести в заблуждение Горького. Белый Дом вначале, под давлением общественного мнения, даже готовил прием Горького президентом Теодором Рузвельтом. Когда же американские реакционеры убедились, что великого писателя не обманула реклама буржуазной американской «культуры» и «цивилизации», что Горький решительно выступил против американского «правосудия», против лживой цивилизации капиталистического строя, — по сигналу Уолл-стрита началась разнузданная и позорная травля гениального худож-

ника пролетариата. Против Горького было мобилировано все: желтая пресса, подлая дикая хулиганская визга, владелицы гостиниц, отказывавшие писателю в жилье, реакционеры в рясах, проклинавшие с церковных кафедр великого революционного художника, царский посол Струве и его аппарат сыщиков, преследовавшие Горького и его спутников.

На удары врага Горький отвечал серией бессмертных памфлетов об американской действительности. Горький развеял в прах легенду о пресловутой американской «цивилизации». Никто из писателей мира никогда не обожал с такой убийственной беспощадностью ужас капиталистической системы, как это сделал А. М. Горький в своих гениальных памфлетах «Город Желтого Дьявола», «Один из королей республик», «Царство скуки», «Моб», «Жрец морали».

Горький с глубочайшей любовью относился к простым людям Америки. Он видел в них стремление к свету, к свободе. Горький создал чудесную новеллу об охотнике Чарли Мэне, в котором волюнтаризм сочетается с уважением к свободе всего живого на земле.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в 20-х и 30-х годах, Горький выступил с рядом публицистических статей, в которых он подверг уничтожающему разоблачению американский империализм.

Ниже мы приводим отрывки из публицистических статей и памфлетов Горького.

Капиталисты и покорнейшие слуги их: социал-демократы и фашисты, Черчилли и Баутские, полумые от страха перед социальной катастрофой старички и молодые ловкачи, которым хочется быть крупными паразитами, «мошенники пера и разбойники печати», вся двуногая гниль, рожденная капиталистическим строем, все человекоподобные гады, без которых капитализм не может существовать, обвиняют «большевиков» Союза Советов в том, что они, «большевики», хотят «разрушить культуру». Буржуазной прессе хозяевами ее дан лозунг: «Борьба против большевиков, против коммунизма — борьба за культуру!»

Разумеется, капиталистам есть за что бороться. Их «культура» — это ряд учреждений, действующих совершенно свободно в целях защиты и оправдания ничем не ограниченной власти паразитического меньшинства над трудовым большинством, над рабочими, крестьянами и мелкой буржуазией, живущей дрянной работой на крупную. Их культура — школа, где лгут, перекрывают, где лгут, парламент, где тоже лгут, пресса, где лгут и клеветают, их культура — полиция, которой предоставлено право бить и убивать рабочих...

...Война сытых и богатых с голодными и нищими сводится к тому, что рабочий класс, который стремится к организации всемирного и решительного боя, обесценивают, выхватывая из его среды, заключая в тюрьмы или убывая наиболее активных людей, вместе с этим пытаются загнать массу рабочих, осуждая на смерть и ни в чем виновных людей, как это было в деле убийства Сакко и Ванцетти.

Сейчас в Америке, в городе Скоттсборо, разыгрывается драма, напоминающая дело двух итальянцев, которые, будучи приговорены к смертной казни, семь лет сидели в тюрьме, ожидая, когда их сожгут на электрическом кресле... В Скоттсборо приговорены к смерти восемь индейцев-негров, они тоже ни в чем виновны, они схвачены полицией случайно, не знакомы друг с другом, но все-таки их осудили на смерть. Это сделано для того, чтобы запу-

Такая называемая деловая Америка отравлена «деланием денег», пресловутым «бизнесом», пропитана грязью. «Какжется, что где-то в центре города вертятся со сладострастным выгибом и ужасающей быстротой большой ком Золота, он распыляется по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, шипят, хватают их».

Желтый Дьявол — это золото, золото в руках американских королей республик, миллионеров Уолл-стрита. «Капиталисты всех стран одинаково прогнившие и бесчеловечные племя, но ваши хуже. Они, видимо, более глупо жадны в деньгах», — подчеркнул Горький в ответе на американскую анкету.

Желтый Дьявол — это насилие и захватническая война, это политика порабощения, духовного опустошения, насильственного оглушения человека. «Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так порабощены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагическими довольными собой, как вы они в этом жалком и грязном жеуде обшарки, который впадет от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы», — писал А. М. Горький в очерке, посвященном «Городу Желтого Дьявола».

Прочтите, внимательно прочтите его памфлет «Моб». «Страшное животное, которое носит имя «Моб» (толпа) — это и есть современные ку-клукс-клановцы, «рыпачи Колумба», «легоперы» и прочие вооруженные до зубов фашистские громилы, которые провозглашают свое «право бедного человека» расправляться с цветными людьми и с рабочим классом, со всеми, кто принадлежит к лагерю прогресса. Палубенным занятием этого «страшного животного» является «суд Линча».

Ночь... Совершенно непоколебимая тишина... Совершенно покоя и красоты внушает торжественные мысли о нестерпимой силе труда, создающего все чудеса в нашем мире... Думаешь о великом чудо-творце-человеке, о прекрасном будущем, которое он готовит своим детям.

В памяти встают фигуры и лица работников науки... Вспоминается, как Д. И. Пилиппиков рассказывал о залежах калийных солей в верховьях Камы; встают перед глазами все, кого удалось видеть: великий человек И. П. Павлов; Резерфорд в его лаборатории в Монреале в 1906 г.; один за другим встают десятки русских творцов науки, вспоминаются их книги, и возникает картина изумительно плодотворной, все более активной деятельности научных работников мира...

...Мичурин принадлежит грандиознейшее открытие в деле применения в плододовстве таких методов, при помощи которых в недалеком будущем, весьма вероятно, человек будет создавать уже не только новые сорта, но и новые виды плодовых растений, полные соответствующих потребностей его жизни и лучше приспособляющихся к неминуемым изменениям климатических условий...

Тишина этой ночи, помогающая разуму отдохнуть от разнообразных, хотя и ничтожных огорчений рабочего дня, как бы напекает сердцу торжественную музыку всемирного труда великих и маленьких людей, прекрасную песню новой истории — прекрасную песню, которую начал так смело трудовой народ моей родины.

По адресу в чужую тишину начинаешь сухо стучать какой-то плотный колокольчик — раз, два, три, десять, двадцать ударов, и всад за нами, точно кусок гравия в чистейшую прозрачную воду, падает дикий визг: свист, грохот, вой, рев, треск; арываются нечеловеческие голоса, напоминают дошадное ржание, раздается хрюканье медной свиньи, воли олов, любовное кваканье огромной лягушки; весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому и, послушав эти вопли минуты, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных...

Это — радио, одно из величайших открытий науки, одна из тайн, вырванная ею у притворно беззастенчивой природы. Это радио в соседнем отеле утешает мир толстых людей, мир хищников, сообща им по воздуху новый фокус в исполнении оркестра негров. Это — музыка для толстых...

Потрясает культура! — вопят защитники власти толстых над рабочим миром. — Пролетариат грозит погубить культуру! — вопят они и лгут, потому что не могут не видеть, как всемирное стадо толстых людей вытравливает культуру, не могут не понимать, что пролетариат — единственная сила, способная спасти культуру и углубить и расширить ее.

Нечеловеческий бас ревет английские слова, оглушает какаю-то дикая труба, напомним крики обезьяньего верблюда, грохочет барабан, верещит скверная дудочка, раздирает уши, крикает и гнусаво гудит саксофон. Распахивая жирные бедра, шаркают и топчут тысячи, десятки тысяч жирных ног.

Наконец, музыка для толстых разрешается огушительным грохотом, как будто с небес на землю бросили ящик посуды. Слова светлая тишина, и мысли возвращаются домой.

«О музыке толстых».

«Ничего не видно, только бьется и трепещет огромное тело «Моб», и ничего не слышно кроме его вопля, возмущенного крика, которым она радостно возмущает о себе, о своей силе, о том, что, наконец, и она тоже нашла свое дело...»

Кого-то бьет она, черная «Моб», кого-то разрывая, кому-то мстит... Из бури ее слитных криков все чаще раздается, сверкает, точно длинный, гибкий нож, шипящее слово: — Линч!

Она имеет магическую силу объединять все сумные желания «Моб», оно все гуще сливается в себе ее крики: — Линч!

Великий Горький ненавидит «Моб», как живое олицетворение реакционной, ханжеской, мешанской, жестокой, кровожадной Америки дельцов, эксплуататоров, стяжателей, захватчиков. Он ненавидит «квадратное одиозное лицо», грязь желаний и мыслей, царство Желтого Дьявола, которое одновременно является и «царством скуки», ибо выданы этого царства заведомо ставят своей целью прежде всего опустошить сердца миллионов людей, оскотить их духовно, чтобы было легче их поработить.

С беспощадностью подлинного художника рисует А. М. Горький жизнь, которая по сути дела «огромная машина», а «все люди — ее части», очень быстро приходящие в состояние негодности и выбрасываемые на свалку. «Научив людей работать, — замечает А. М. Горький, — их не учили жить». В этих проникновенных словах все сущность современного капиталистического строя Америки, основная лживость господства Уолл-стрита.

В беседе с «королем республик», отрывок из которой мы уже приводили, имеются строки:

«Правительство не мешает вам? — скромно спросил я.

— Правительство? — повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой. Ага... Это так... в Вашингтоне? Нет, они не мешают. Это очень добрые ребята... Среди них есть кое-кто из моего клана. Но их редко видишь... Поэтому иногда забывай о них. Нет, они не мешают, — повторил он и тут же с любительством спросил:

— А разве есть правительство, которые мешают людям делать деньги?

«Король республик» считает, и, конечно, с полным основанием, что «те, из Ва-

инштонта», — у него в кармане. Разве могут в самом деле они ему помешать? (Однако он готов развить эту свою мысль и поясняет, что ему нужно отнюдь не всякое, а лишь «хорошее правительство».)

Иначе говоря, правительство, которое сумеет обеспечить «такие задачи: в стране должно быть столько народа, сколько мне нужно для того, чтобы он купил у меня все, что я хочу продать. Рабочих должно быть столько, чтобы я в них не нуждался. Правительство не должно брать высоких налогов. Все, что может дать народ — я сам возьму. Вот что я называю — хорошее правительство».

Так говорит «один из королей республик» у А. М. Горького. И точно так говорят современные магнаты Уолл-стрита, владельцы монополий, американские поджигатели войны из лагеря «60 семейств» — все эти Морган, Рокфеллер, Дюпони, Гарриманы и их компаньоны.

Не только в Вашингтоне они располагают столь послушным правительством, а и во многих странах мира, на которые им удалось с помощью своей агентуры набросить долларовую петлю.

Вот почему с таким огромным, от глубины сердца падающим удовлетворением все прогрессивное человечество констатирует, что этому «всемирному богатству» противостоят, как грозный, непоколебимый утес, страна и народ, навсегда уничтожившие капитализм, обьявившие преступными и позорными все основные устои «американского образа жизни».

И эта страна уже не одна! В ней принимают страна народной демократии, лучшие по социалистическому пути.

Не по одной лишь линии государственных границ и океанальных зон, не только по географическому признаку ныне делится мир. Невнядная черта фронта борьбы между прогрессом и реакцией пролегал восток. Передовые люди всех стран, всех наций, борющиеся за счастье, свободу и независимость своей родины в Париже и в Риме, в Нью-Йорке и в Мельбурне, так же как и все мы, полностью разделяют сейчас те благородные чувства ненависти к позорному гнету магнатов «денежного мешка», которыми от начала и до конца продиктованы замечательные очерки-памфлеты А. М. Горького.